

УДК 821.161.1.0

Ефимова Алла Николаевна, преподаватель кафедры языковых знаний
Алматинского Университета Энергетики и Связи имени Гумарбека Даукеева, г.
Алматы, Казахстан

e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

ФАКТОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ТЮРЕМНЫХ МЕМУАРАХ Т. Н. ЩИПКОВОЙ

Аннотация. Воспоминания Т. Н. Щипковой о пребывании в заключении за исповедничество православной веры относятся к началу 80-х годов XX века. Изучение этой прозы в аспекте христианской антропологии позволяет выделить моменты саморефлексии и показать изменения восприятия окружающих и трансформацию взаимоотношений в закрытом тюремном социуме. Достойное преодоление страданий служит назидательным примером того, как тяжелое жизненное испытание обращается в позитивный опыт, и как во мраке можно быть светом и видеть свет в других.

Ключевые слова: лагерная проза, исповедничество, мемуары, тюрьма, взаимоотношения, христианская антропология, страдания, личность.

Alla Efimova, teacher, department of language knowledge, Almaty University
of Energy and Communications named after Gumarbek Daukeev.

e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

FACTOGRAPHY OF RELATIONSHIPS AND TRANSFORMATION OF PERSONALITY IN PRISON MEMOIRS OF T. N. SHCHIPKOVA

Annotation. Memories of T.N. Schipkova about being imprisoned for confessing the Orthodox faith date back to the early 80s of the 20th century. The

study of this prose in the aspect of Christian anthropology allows us to highlight the moments of self-reflection and show the changes in the perception of others and the transformation of relationships in a closed prison society. Overcoming suffering with dignity is an edifying example of how a difficult life experience turns into a positive experience, and how in darkness you can be light and see the light in others.

Keywords: camp prose, confession, memoirs, prison, relationships, Christian anthropology, suffering, personality.

История исповедничества Татьяны Николаевны Щипковой отличается от историй исповедничества подвижников веры, которые несли веру в Бога в сталинский период, когда верующих расстреливали, жестоко преследовали, чтобы окончательно искоренить веру из людских сердец. Однако в тот страшный период оставалось еще много светильников веры и просто верующих людей, которые являли собой и своей жизнью пример и опору для других людей. Ее же исповедничество было, хотя и в более спокойное время, накануне духовного возрождения в стране, но это был период оторванности от религии, забвения духовного наследия и господства атеистической идеологии. Эта идеология не удовлетворяла некоторых людей, и они испытывали духовный голод, подталкивающий их искать смысл жизни, который они обретали в вере в Бога.

Представим краткую биографическую справку об авторе. Т. Н. Щипкова (1930-2009) известна как ученый-лингвист, участник подпольного православного движения, с 1980 по 1983 год находилась в заключении в женской уголовной колонии, в 1985 году получила разрешение вернуться в Ленинград и поселилась у сына. В это время завершила работу над книгой лагерных воспоминаний «Женский портрет в тюремном интерьере. Записки православной». Книга была издана после смерти автора в 2011 году. В 2012 году Святейший Патриарх Кирилл принял участие в церемонии открытия в Смоленске мемориальной доски памяти Т. Н. Щипковой, «пострадавшей за веру в позднесоветские годы». В декабре 2019 года Кассационный суд

посмертно реабилитировал православную диссидентку [12].

Т. Н. Щипкова была арестована в немолодом возрасте, и больше всего испытывала ужас не от будущих допросов, условий тюрьмы, лишения свободы, а от предстоящего пребывания в лагере вместе с уголовницами – воровками и убийцами. Она вспоминает: «Я молилась каждый день, прося Господа снизить к моей слабости и отложить арест на некоторое время, чтобы мне окрепнуть духом» [13, с. 24]. Она считала, как и многие советские люди, что в тюрьме сидят только преступники, настоящие уголовники.

Однако, в действительности оказалось, что среди заключенных были и обыкновенные люди, нарушившие закон, а не только уголовницы, «люди дна», «воровки, венерички, пьяницы, бродяжки» [13, с. 86]. Среди уголовниц этих – «страшных», вызывающих ужас, который она порой не могла скрыть, было человек двадцать пять. А к остальным она относилась с состраданием, хотя сама, уже немолодая женщина с болезнью глаз, испытывала большие мучения от издевательских условий тюрьмы, которые она подробно описывает в книге. Тем самым она поднимается над своим страданием и не заикливается только на своей муке. О таком проявлении личности философ И. А. Ильин пишет: «Только любовь освобождает и спасает человека. Ее первая элементарная форма есть жалость к страдающему» [7, с. 170].

Она жалела несчастных уголовниц, пытаясь оправдать их: «Среди уголовниц есть множество обыкновенных девочек, которые попали туда потому, что никогда не слышали живого слова, обращенного к ним. Они не отстают в развитии, не лишены доброты и чувства справедливости. Их бы да в хорошие руки...» [13, с. 88]. Тем более, она жалела преступивших закон: «Не обеляю их, но жалею и призываю жалеть. Они заслужили наказание, но оно им намного завышено» [13, с. 93].

Она объясняет, почему она так считает. Их страдание заключается не только в том, что они лишены свободы, но и в постоянном унижении человеческого достоинства, женского достоинства и в бесконечном внушении заключенному чувства вины, ощущения себя преступником. Она пишет: «Если

все время заставляя страдать, человек перестает сознавать себя справедливо наказанным, даже совестливый человек, и начинает ощущать себя жертвой, – и он прав. Нельзя возродиться, если тебя презирают и обращаются с тобой заведомо как с животным» [13, с. 118]. Тюремно-лагерные учреждения называются исправительными, но, по сути, они являются системой наказания. Она задавала множеству женщин вопрос, изменились ли они к лучшему, но они либо смеялись ей в лицо, либо задумывались, но не отвечали утвердительно: «Кто же здесь станет лучше? Здесь же джунгли. Кругом звери, и сам становишься зверем. Я никогда не видела столько плохих людей сразу, как же мне стать лучше?» [13, с. 100]. Ее сострадание к ним усиливается тем, что эта якобы исправительно-трудовая система, на самом деле является системой расчеловечивания людей, так как она не исправляет, а калечит души и судьбы людей. Для нее очевидно, что и жизненный уклад в зоне, и изнурительный труд, и отношение к заключенным, и, особенно пребывание людей оступившихся, жертв обстоятельств, невинно осужденных рядом с закоренелыми уголовниками, людьми дна – все это приводило к деградации личности.

На протяжении повествования мемуаров постоянно звучит тема жалости. Сначала, как уже было сказано, она страшно боялась встречи с этими заключенными женщинами, которые растопчут ее. Однако она увидела среди них много просто несчастных и страдающих женщин, запутавшихся или оступившихся, которых тюрьма не исправляла, а заставляла страдать, подавляла и унижала. И ее чувство сострадания к ним только усиливалось. Оказавшись рядом с ними, она увидела их внутренний мир, их мысли, чувства, переживания, стремления и даже разглядела прекрасное и доброе, что было у некоторых из них. Митрополит Антоний Сурожский, известный православный мыслитель и проповедник двадцатого века, пишет, что требуются усилия, работа над собой: «Все это требует много доброй воли. Увидеть в другом то, что отталкивает нас, что делает его чужим, легко» [1, с. 401].

И к своему удивлению, в этой «черной низине, полной миазмов зла» она

обнаружила у некоторых из них лучшие человеческие качества такие, как доброта, любовь, сочувствие. Это выражалось и в том, что с ней делились продуктами, необходимыми вещами и добрым словом, а уголовница-убийца бежала к ней по обледенелому склону, чтобы помочь нести ведро с чаем просто так, за «спасибо». Если о тех, «страшных», она один раз рассказала, чтобы потом не вспоминать, то о людях, у которых она сама могла бы чему-то научиться, она вспоминает на протяжении всей книги.

Немеркнувший образ ласковой и доброй уборщицы Сони, от которой не слышали в лагере ни ругани, ни раздражения, счастливой из-за того, что взяла вину сына за убийство на себя, является для Т. Щипковой уникальным, так как, на ее взгляд, и на воле нелегко встретить такого кроткого человека. «Может быть, Соня и была единственная христианка в нашем лагере» [13, с. 184], – говорит о ней автор, глядя на ее поступки, несмотря на то, что Соня в церкви-то была один-два раза, но в Бога она верила и молилась.

С восхищением Т. Н. Щипкова вспоминает смелый и мужественный поступок «отчаянной» Веры, которая одна смогла заступиться за безответную бродяжку, над которой издевались воровки: «Увидев очередную сцену глумления над бичихой, она подскочила к бандиткам <...> и закричала: «До тех пор пока я в камере, здесь не будут сильные издеваться над слабыми!» Меня поразило такое тюремное рыцарство» [13, с. 76-77].

А об одной из «государственниц», ставшей жертвой системы, она пишет так: «Не только за тюремную, но и за всю свою жизнь я мало видела людей, настолько добросовестных, настолько честных, настолько доброжелательных к людям, как Люда» [13, с. 84]. И подобным образом о людях в заключении она отзывается неоднократно.

Таким образом, очевидно, как изменилось ее отношение к солагерницам: от страха и ужаса – к состраданию; а также, в свою очередь, мы видим положительное влияние на нее некоторых из них.

Ее же влияние на них выражалось в том, что она старалась повысить их культурный, нравственный и религиозный уровень, привить чувство

гражданского самосознания. Из уважения к ней заключенные женщины не выражались матом в ее присутствии, хотя сквернословие было повсеместным.

Тех из них, кто интересовался, по возможности, она знакомила с художественной литературой, с поэзией. Литература о тюрьмах производила сильное впечатление на них. «Эти книги, – пишет Т. Н. Щипкова, – помогали им осознать себя, осмыслить свою лагерную жизнь и свое место в ней, оценить соотношение своего преступления с претерпеваемым ими наказанием» [13, с. 152]. Любили поэзию, стихотворения слушались с воодушевлением и записывались в тетрадь, особенно о тюрьмах. «Как они слушали «тюремные» стихи Лермонтова! – вспоминает она. – Эти стихи возвышали их над собственным, убогим восприятием мира, они облагораживали их естественную тоску по воле» [Там же]. Таким способом своей просветительской деятельностью, она еще и облегчала их страдание.

Здесь можно провести аналогию с воспоминаниями о лагерном заключении Анны Борисовны Никольской (переводчица «Пути Абая» М. Ауэзова) в повести «Передай дальше!». Ей предложили в лагере быть режиссером самодеятельного театра, и она согласилась под влиянием увиденной реакции заключенных зрителей на пьесу, которую она написала и поставила: «Хохочут задние ряды, все эти люди в серых бушлатах, с серыми лицами, которых я привыкла видеть угрюмыми, подавленными и замкнутыми... или же озлобленными, отупевшими, ругающимися непотребными словами [9, с. 78]. Она поняла, что таким образом, посредством театра, она хоть немного облегчает жизнь несчастных солагерников: «Я должна быть здесь. *Я хочу, чтобы они смеялись*» [Там же].

Т. Н. Щипкова не только сохраняла стойкость в своих религиозных убеждениях, но и исповедовала веру во Христа среди полнейшего невежества, где для большинства самым светлым образом был «дедушка Ленин», вместо веры в Бога была черная мистика, а от креста и молитв ожидалось магическое действие и т. п. Она говорила о Боге только тем, кто интересовался, давала молитвы тем, кто просил. Многие обращались к ней. Она видела, как меняются

их лица, но, в основном, на короткое время. Как объяснила одна заключенная: «Все в душе знают, что Бог есть <...> если скажешь это всеми словами, придется жизнь менять, а на это никто не решается» [13, с. 164]. Однако семена были посеяны. Все же две из них приняли веру всей душой и увидели в себе личность.

У автора изменилось отношение к представителям других вероисповеданий. Если до заключения ее отношение к баптистам было предвзятым, то в тюрьме девушка-баптистка Галя стала для нее сомолитвенницей, помощницей и самым близким и родным человеком. «Если Господь послал обеих в один лагерь, – решили они, – то уж верно не за тем, чтобы мы выясняли, чья вера лучше, а чтобы мы научились любить друг друга при всех различиях» [13, с. 168].

Следует отметить, что это далеко не единичный случай в лагерных мемуарах. Нечто подобное описано у Алексея Арцыбушева в автобиографическом романе о лагерном заключении «Милосердия двери». Он рассказывает, как в лагере встретил шестнадцатилетнего юношу-баптиста Ваню Саблина, который своей детской чистотой и светлой верой напоминал ему «отрока Варфоломея, душа которого светилась средь непроглядного мрака ненависти, злобы и безысходности, окружающей его» [2, с. 288]. Протоиерей Михаил Труханов в воспоминаниях «Беседы с духовными чадами» понял для себя: «Пусть они извращенно веруют, для нас важно, что они все-таки веруют» [10, с. 160]. Так говорит он о мусульманах, католиках и иудеях, которые тоже, в свою очередь, уважали и ценили его как верующего человека. Таким образом, люди разных вероисповеданий в тяжелых условиях заключения начинали ценить именно искренно верующих людей независимо от конфессии.

Автор также обнаружила у Гали такое качество, которому ей самой только предстояло научиться: доброе отношение Гали к начальству вызывало у нее удивление. Т. Н. Щипковой пришлось пройти испытание, через которое она обрела в заключении самое главное, как она сама считает, – это любовь к врагам. У нее было жесткое противостояние с начальством лагеря. В знак

протеста она объявила бойкот (не ходила на политинформацию). Она ощущала себя героиней, и это с большим воодушевлением поддерживалось другими заключенными, и в то же время чувство ненависти к руководству лагеря охватывало ее. Атмосфера была накалена. Но тут произошло, можно сказать, чудо. Вот как она пишет об этом: «Я проснулась в слезах, подушка была мокрая. Я не сразу вспомнила, где я; чувствовала только, что я всех люблю, что я вся внутри мягкая, оттаявшая и вся счастлива. <...> «Любите врагов ваших...» Один раз в жизни мне было дано это почувствовать полной мерой» [13, с. 172].

В этом противостоянии с руководством лагеря она проявляет себя как смелая, мужественная личность. Это, можно сказать, героическое поведение беззащитной, хрупкой, уже немолодой женщины, которая не побоялась пойти против системы. Система в социуме часто подавляет людей, заставляет подчиниться. Психолог Филипп Зимбардо в книге «Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев» описывает тюремный эксперимент, который показывает, как ситуация влияет на человека. Его исследования доказывают, что обстоятельства могут быть сильнее человека, очень трудно противостоять ситуации. В данном случае в роли обстоятельств выступает тюремная система, которая меняет человека в худшую сторону. Он пришел к выводу: «Почти каждый из нас может пережить трансформацию характера, оказавшись во власти мощных социальных сил. <...> Под влиянием дурных обстоятельств каждый из нас мог бы совершить самый ужасный поступок» [4, с. 335]. Т. Н. Щипкова тоже постоянно говорит о том, что вся тюремная система настроена на расчеловечивание, унижение заключенных. Однако сама она не поддается пагубному влиянию системы.

В.Т. Шаламов и А.И. Солженицын задаются вопросом: почему некоторые люди могут противостоять этой системе, почему они не деградируют и не расчеловечиваются? И они же сами называют этих людей, тем самым отвечая на этот вопрос. Только верующие, герои войны и сектанты остаются людьми. Писатель Дмитрий Быков пишет о А.И. Солженицыне: «По Солженицыну

лагерь, тем не менее, может быть и положительным опытом. В лагере есть люди, которые выстаивают и формируются в сверхлюдей» [3, с. 234].

В случае с Т. Н. Щипковой феномен заключается в том, что, во-первых, хотя она и смогла сопротивляться системе, что само по себе очень сложно и страшно, однако, во-вторых, она еще и поднялась выше этого, она поднялась над этой системой – она полюбила всех этих жестоких надзирателей и руководство лагеря. Произошло то, что невозможно достичь жалкими человеческими силами. Она поднялась на уровень сверхчеловеческих сил.

Полюбить врага – выше естественных человеческих сил. В христианской антропологии любовь к врагам – это дар Божий, который невозможно человеку приобрести только своими силами. Опыт страдания дает личности «возможность очистительно-спасительного пути, приносящего духовные дарования» [6, с. 23].

Эдуард Лимонов, писатель и оппозиционный политик, положительно оценивает свой тюремный опыт: «Тюрьма для развития духа – неординарная возможность. Страдания, унижения, аскетизм тюрьмы – великий опыт» [14]. Особенно он относит это к людям думающим, устремленным вверх, резко противопоставляя их другим людям: «Для интеллектуала, человека духовно ориентированного, с мистическими наклонностями тюрьма, безусловно, уникальный опыт по возвышению духа. А есть люди скотского порядка – они страдают чисто по-животному» [14]. Как раз в воспоминаниях Т.Н. Щипковой мы четко видим это разграничение на тех немногих, которые сохраняют свои человеческие качества или даже растут духовно, преображаются, и на большинство, которое морально уродуется, расчеловечивается: либо звереет, либо оскотинивается. Виктор Франкл, психолог и философ, в воспоминаниях «Сказать жизни «Да!» о своем пребывании в фашистском концлагере тоже отмечает подобную тенденцию: «Большинство людей в лагере полагали, что все их возможности самоосуществления уже позади, а между тем они только открывались. Ибо от самого человека зависело, во что он превратит свою лагерную жизнь – в прозябание, как у тысяч, или в нравственную победу – как

у немногих» [11, с. 141]. Это говорит человек, выживший в фашистском концлагере, в месте, где целенаправленно уничтожали людей. В современных богословско-антропологических исследованиях этот духовный закон звучит так: «Страдательный опыт жизни в Боге становится созидательным, а не трагичным, в том случае, если «страдания возникают в отношениях с Богом» и направляют нас к Богу» [8, с. 31].

Мы видим, что ситуация жесткого противостояния, с одной стороны – давление руководства лагеря, с другой – сопротивление Татьяны Щипковой, разрешилась самым неожиданным, сверхъестественным образом, помимо воли самих участников.

В книге «О действии благодати Божией в современном мире» монахиня Елена (Казимирчак-Полонская) описывает пережитый ею в тюрьме подобный опыт чудесного вмешательства извне. Восемь месяцев ее мучили на бесконечных допросах, которые длились по 10-12 часов, требовали от нее каких-то признаний в несуществующих преступлениях, а также фамилий якобы виновных людей. Не желая оклеветать себя и невинных людей, она уже изнемогала и была в отчаянии – ситуация неразрешимая. В это время она увидела апостола Павла, который сказал ей, что именно отвечать следователю. На допросе она говорила именно то, что ей было сказано апостолом Павлом, но при этом у неё было необычное духовное переживание, и лились слезы. Результатом было освобождение, а следователь еще и провожал ее на вокзал и нес ее чемодан [5, с. 338].

Важно отметить, что обе героини являются серьезными учеными: Т. Н. Щипкова – кандидат филологических наук, а монахиня Елена – доктор физико-математических наук; и они очень далеки от экзальтированности и выдумок.

Читая воспоминания Т. Н. Щипковой, мы наблюдаем, как происходит изменение ее отношения к заключенным. Среди солагерниц она увидела несчастных женщин, к которым стала относиться с жалостью и состраданием, а к кому-то с восхищением и любовью, человек другой конфессии стал для нее близким другом. И самое главное, в тюрьме она приобрела самый важный для

себя опыт – опыт любви к врагам. Здесь мы выделяем, согласно христианской антропологии, два важных фактора трансформации мировоззрения: во-первых, способность видеть именно человека, а не зечек или представителей других конфессий; во-вторых, любовь к врагам.

Изучение лагерной прозы Т. Н. Щипковой позволяет выделить моменты самоанализа, рефлексии закрытого социума и фиксировать типологические особенности эволюции мировосприятия и христианского мировоззрения автора: изменение ее отношения к заключенным, их влияние на нее и, наоборот, ее влияние на них. Эти самонаблюдения позволяют представить фактографию трансформации личности от страха и ненависти к состраданию, восхищению и даже любви.

Список источников:

1. Антоний (Блум), митр. Сурожский. О жизни христианской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. – 448 с.
2. Арцыбушев А.П. Милосердия двери. Автобиографический роман узника ГУЛАГа. – М.: Ника, 2014. – 480 с.
3. Быков Д.Л. Время изоляции, 1951-2000 гг. – М.: Эксмо, 2018. – 480 с.
4. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Филип Зимбардо; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 740 с.
5. Елена (Е.И. Казимирчак-Полонская), мон. О действии благодати Божией в современном мире. М.: Оранта, 2012 г. – 400 с.
6. Ефимова А.Н. Подвижники веры в лагерном социуме. // Научный вестник Крыма. – 2020. – № 5. – С. 23.
7. Ильин И.А. Книга тихих созерцаний. Поющее сердце. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2015. – 319 с.
8. Мефодий (Зинковский), иером., Варнава (Снытко), иером., Павлова Л. П. Богословие страданий: осмысление ипостасного кенозиса согласно

архимандриту Софронию (Сахарову). // Христианское чтение. –2020. – № 4. – С. 21-34.

9. Никольская А.Б. Передай дальше. Рассказы, повесть. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 272 с.

10. Труханов Михаил, прот. Беседы с духовными чадами. Книга первая. Воспоминания. – Минск: Лучи Софии, 2015. – 272 с.

11. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере. М.: Альпина нонфикшн, 2018. – 239 с.

12. Цуканов И., Щипков А. «Люди в штатском предложили ей донести на священников и учеников», — Александр Щипков о приговоре своей матери и 40-летней борьбе за его отмену // Фома: журнал. — 07.02.2020. Режим доступа: <https://foma.ru/lyudi-v-shtatskom-predlozhili-ej-donesti-na-svyashhennikov-i-uchenikov-aleksandr-shhipkov-o-prigovore-svoej-materi-i-40-letnej-borbe-za-ego-otmenu.html>)

13. Щипкова Т.Н. Женский портрет в тюремном интерьере. Записки православной. – М.: Индрик, 2011. – 200 с.

14. «Я люблю слово похоть» [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.lenta.ru/articles/2020/03/17/umerlimonov> (дата обращения: 12.07.2020).